

Хаус, как и Фауст, показан вполне земным человеком, способным поддаваться действию страстей, совершать ошибки и заблуждаться, и всё же высокое гуманное начало берёт в них верх.

Доктор Фауст, также интеллектуал своего времени, жил с мыслью, что на всё можно найти ответы, если хорошенько покопаться в окружающем мире, стал "мирским человеком" (Weltmensch) - богословию он предпочел занятие светскими науками, именовал себя доктором медицины, и, как сообщается дальше, многим людям помог своим врачеванием.

И, наконец, трагический конец. Неожиданно полиция находит *обгоревшее тело* мужчины с документами на имя Хауса. В итоге, всё завершается тем, что полиция признает – великий диагност умер. А в самый последний момент Хаус появляется на мотоцикле – живой и невредимый - и уезжает с лучшим другом доктором Уилсоном.

Смерть Фауста обросла огромным количеством легенд и мифов. Фаусту грозила неминуемая смерть и вечное мучение *в адском пламени*, но в гуманистической традиции его *спасла* любовь, и ангелы унесли его душу на небо.

Список литературы

1. Челлен П. Доктор Хаус, которого создал Хью Лори / П. Челлен. – Фантом Пресс, 2010.
2. Schuler, Douglas / Doctor Faustus in the 21st Century [эл. ресурс].

ПОЭТИКА БЕЗЫМЯННОСТИ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ БЕЛАРУСИ РУБЕЖА XX–XXI ВВ.

Т.Е. Троцинская-Степушина
Витебск, отдел образования, спорта и туризма Октябрьского района

Безымянность как категория ономатологии нечасто попадала в поле зрения исследователей: общая схема ее рассмотрения еще не сложилась. Среди современных исследователей данной проблемы можно отметить таких, как Н.Д. Арутюнова, Н.В. Васильева, М.Н. Безродный, И. Фужерон и некоторых других.

Современную форму слово *безымянность* приняло относительно недавно. Например, в XVI в русском языке существовала форма «безымяние» со значением «бесславие». В современном русском языке вместо конкретного существительного «безымянник» появилось абстрактное – «безымянность», а его синоним иноязычного происхождения – «анонимный» («анонимность»).

Н.В. Васильева выделяет следующие ипостаси, или «лики» безымянности: *незнание имени* (1); *сокрытие имени* (2) (анонимность); *неимение имени* (3) [1, 157].

Цель данной статьи – выявление роли безымянности в создании художественного образа.

Материал и методы. Материалом исследования послужила русскоязычная художественная проза современных белорусских авторов – А. Андреева, А. Геращенко, Е. Поповой, Э. Скобелева.

Результаты и их обсуждение. В произведениях А. Андреева категория безымянности проявляется наиболее рельефно, играя важную роль в языковой репрезентации художественных образов. Например, в романе автора «Всего лишь зеркало» безымянность является глубинным художественным мотивом. Название романа рождает имплицитные смыслы, одним из которых является тема двойничества, воплощаясь (в том числе) и в мотиве безымянности. Сокрытие имени (2) являет собой прием текстовой интродукции главного героя-нарратора в диалоге:

– *Меня зовут...*

Тут я назвал свою фамилию, имя и адрес, по которому я получил телеграмму [2, 181]. Данный ономастический эпизод антиципирует (предвосхищает) развитие линии героя: скрывая свое имя, он провоцирует появление собственного двойника (тема двойничества красной нитью проходит через все творчество автора).

На протяжении всего романа герой предпочитает скрывать свое имя – он «широко известен в узких кругах» – под классической формулой *господин N*. Его умерший друг-двойник носит придуманную *господином N* кличку *Zero*. Как известно, слово «zero» в переводе с английского означает «ноль». Герой-рассказчик сознательно выбирает данный прием лишения имени для номинации своего столь неожиданно обретенного «друга» – происходит ономастическая манипуляция, которую Н.В. Васильева называет «затуханием имени», результатом которого, по нашему мнению, является не исчезновение последнего, а его метаморфоза, являющаяся звеном в цепи переименований. Таким образом, А. Андреев с успехом применяет различные текстовые стратегии, связанные с переходами имя ↔ безымянность, которые являются своеобразным способом создания художественных образов.

В прозе Е. Поповой также выявлены случаи безымянности. Например, главная героиня романа «Большое путешествие Малышки» не имеет имени и именуется *Малышкой*. Данный оним, мотивированный апеллятивом «малышка» (ласковое обращение к девочке), дан героине не только с целью подчеркнуть ее детские черты (открытость, наивность), но и для того, чтобы лишить ее собственного *Я*, индивидуальности: на протяжении всего романа она живет жизнью других людей [3].

В творчестве А. Геращенко особо выделяются мистический и научно-фантастический пласты, в которых нами было выявлено наибольшее количество случаев безымянности, относящихся к нереальным объектам: 1. *Змеиный царь* из одноименного мистического рассказа, вошедшего в сборник «Пропойские истории» по мотивам старинных белорусских легенд; 2. *Лайр* – имя министра обороны вымышленной планеты Войс из научно-фантастического рассказа «Голубая кнопка» и др.

В фантастической повести А. Геращенко «Паутина Циолковского, или Первая одиссея «Мира»» отражена модель собственной Вселенной писателя. В пространстве бесконечного Космоса разворачиваются драматические события, сопровождающие полет космического корабля в неизведанную Галактику под названием Паутина Циолковского. Вымышленный мир наглядно представлен системой номинаций, мотивированных иной реальностью: *Даши-2*, *Шестун-2* – именованья героев-двойников командира корабля *Андрея Шестуна* и специалиста по измерениям *Даши Рыбачук*. Раздвоение позволило героям, которых связывает серьезное чувство, спастись во время схватки с роботами. Также в этой повести были обнаружены случаи безымянности в виде *номенклатуры*: *M1*, *M2*, *M3*, именующие новейшее поколение электронных роботов. Интересным представляется объяснение мотивации своих именованья самими роботами: «Для нас нет никакой разницы в том, как мы называемся – *M2A*, как я, или, например, *Пётр* или *Джон*. Первое даже лучше, потому что в моём процессоре заложены серия, номер, а теперь и очерёдность моей личной модификации. А шифровать всё это в режиме "*Пётр*" или "*Джон*" гораздо сложнее. Да и ни к чему. Это вы, люди, вкладываете во всё эмоциональную окраску...» [4, 55].

В фантастической прозе Э. Скобелева (рассказ «Два дня свободы») нами были выявлены случаи безымянности, характеризующие людей будущего как лишенных индивидуальности субъектов: *ПК-183907*, *БЖ-807333* («мужчины») и *ИЖ-200201* («женщина»). Действие рассказа разворачивается в далеком будущем во Всемиром Государстве, где люди, из поколения в поколение теряющие историческую память, превращаются в винтики, функционирующие по установленным правилам [5, 228].

Таким образом, в фантастических произведениях А. Геращенко, Э. Скобелева, Е. Поповой выявляется в форме безымянности *неимение имени* маркирует еще одну ипостась – *отсутствие индивидуальности*.

Заключение. Таким образом, исследование художественной категории безымянности в прозе белорусских авторов позволило установить, что понятие безымянности тесно связано с понятием имени и включает в себя следующие метаморфозы имени: *незнание имени*; *сокрытие имени* (анонимность); *неимение имени*. Последний «клик» выступает в двух ипостасях: как знак физического несуществования и как знак отсутствия индивидуальности. Сокрытие имени является наиболее распространенным приемом в идиостиле А. Андреева, единично встречается у Е. Поповой; неимение имени как символ лишения индивидуальности выявляется в фантастических рассказах А. Геращенко, Э. Скобелева,

Е. Поповой. Безымянность является семантически неоднородным и сложным явлением, служащим своеобразным приемом именования и, как следствие, создания художественных образов в современной русскоязычной художественной литературе Беларуси.

Список литературы

1. Васильева, Н.В. Собственное имя в мире текста / Н.В. Васильева, – М.: Академия гуманитар. ис- след., 2005. – С.157.
2. Андреев, А. Всего лишь зеркало / Легкий мужской роман : романы / А. Андреев. – Мн.: Макбел, 2006. – 337 с.
3. Попова, Е. Г. Восхождение Зенты : романы / Е. Г. Попова. – Минск: Маст. літ., 2007. – 335 с.
4. [Электронный ресурс]. Андрей Геращенко. Современная белорусская профессиональная литература: фантастика, критика, публицистика, драматургия, проза и поэзия. 2001. URL: <http://beloruslit.hut.ru/>. (Дата обращения: 17.02.2014).
5. Скобелев, Э. Рассказы разных лет / Э. Скобелев. – Минск: Маст. літ., 2004. – 342 с.

КОННОТАТИВНЫЕ И ДЕНОТАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ДИМИНУТИВОВ В АНГЛИЙСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

*Е.Н. Храпцова
Полоцк, ПГУ*

В любом языке существуют готовые и неизменные формулы речи наряду со свободными выражениями, которые используются для того, чтобы более ясно и естественно выразить свое мнение и отношение к окружающему миру. Эти формулы и выражения могут в определенных случаях выражать свою симпатию или антипатию, и зачастую, это реализуется с помощью тех или иных диминутивных средств, которые в своей совокупности являются формой выражения понятийной категории диминутивности. Интересным и полезным с практической точки зрения представляется изучение диминутивности в таких речевых произведениях, как пословицы и поговорки, которые аккумулировали житейский опыт народа и выразили его в специфической форме. Являясь своеобразным типом дискурса, пословицы и поговорки из глубин веков доносят знания, учат и воспитывают будущие поколения, регламентируют и устанавливают правила и предписывают определенным образом относиться к окружающему миру.

Понятийная категория диминутивности свойственна любому языку, но в белорусском, как и в русском языке, она является доминантой. Исследование диминутивной доминанты позволяет выявить некоторые особенности языковой системы и норм речевого поведения в их взаимосвязи и обуславливает актуальность исследования.

Цель – определить содержательные характеристики диминутивности в двух языках и выявить наборы морфологических, лексических ресурсов языка, участвующих в реализации исследуемой доминанты на материале пословиц и поговорок.

Диминутивность имеет определенный план содержания и план выражения в любом языке. В лингвистической литературе диминутивность рассматривается и как грамматическая, и как семантическая категория, в основе которой лежит реализация семы "малости". Под «малостью» понимается достаточно широкий спектр количественных значений: небольшой размер, объем, количество, признак и т.д., а также ряд эмоциональных приращений имеющих связь с объективно-логическим значением (либо утративших эту связь) или эксплицирующих эмоционально-оценочную семантику. Диминутивная семантика обладает гетерогенностью и находит системное выражение в лексических, морфологических и других значениях как дескриптивного, так и оценочного плана. Количественное значение представляет первичное объективно-логическое значение, фокусирующееся на объектах внешнего мира, выполняющее объективно-логическую различительную функцию, на которую в процессе мыслительной деятельности (оценочного или эмоционально-оценочного осмысления) поэтапно или параллельно нанизывались дополнительные со-значения.